

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 06 June 2023

<https://cajlp.centralasianstudies.org>

Мифологизм Как Средство Выражения Авторского Замысла В Творчестве Тимура Пулатова

Буранова Жамила Алиевна

старший преподаватель Каршинского государственного университета

Received 4th Apr 2023, Accepted 5th May 2023, Online 24th June 2023

АННОТАЦИЯ

В статье приводится мифопоэтический анализ повести Тимура Пулатова «Владения». Рассматриваются образы коршуна и других насекомых в древней мифологии, и выявляется новый авторский мифологизированный смысл. Уделяется особое значение и раскрывается авторский замысел названия повести «Владения».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аллегория, миф, мифологизм, мифопоэтика, новый миф, образ, символ.

Метафорическая природа Тимура Пулатова становится особенно наглядной, когда мы видим, какое место в его произведениях занимают мифопоэтические образы. Ёмкость метафоры помогает в многомерном постижении действительности, его философском осмыслении.

Использование в сюжете мифопоэтического символа неизбежно влияет на его жанровую специфику. Примером этого может служить повесть Тимура Пулатова «Владения». В ней на наших глазах разворачивается не действие, а действо, сюжет движет материализация авторских идей. Один день из жизни пустыни становится символом вечности с ее мироустройством. Создаётся это благодаря ритмическим особенностям текста, и специфике художественного образа. Ритмическая постепенность, последовательность описания позволяет неторопливо, постепенно, концентрически расширять охват действительности, фиксировать внимание на мельчайших деталях, мгновениях, и мимолётные зарисовки из жизни обитателей пустыни ассоциативно напоминают нам привычки их старшего брата – человека. «В те короткие мгновения, когда коршун открывал глаза и наблюдал за скарабеем, он видел среди них обман и воровство. Стоит какому-нибудь жуку подтолкнуть своими зубцами шарик на верхушку барханчика, как шарик оказывается ловко отнятым у него другим, притаившимся в песке скарабеем. И тот, кто с таким искусством сотворил шарик, лишь удивленно смотрит по сторонам, не понимая, в чем дело... А тот, плутоватый, уже пустился прочь с бархана, и преследовать его бессмысленно.» [4. С. 410]. Такое повествование предполагает значительную свободу ассоциаций, и то, что одними может восприниматься как символ человеческого социума, другими видится апологией разумности природы, а вероятнее всего, жизнь человеческого сообщества устроена по тем же законам, что и всего живого на земле, – это и всеобщая универсальная картина, не знающая преград во времени и пространстве [1. С.112].

В повести «Владения» автор не только сохраняет (как и в ранних произведениях) и даже наращивает «количественно» богатство реалистических деталей, но и заметнее выводит их из привычного ряда человеческих переживаний, отстраняет их.

Центральный герой повести – старый коршун. Есть и второстепенные: суслик, туман, ветер, летучая мышь. А весь сюжет сведён к облёту коршуном своей территории после ночи полнолуния. Было бы упрощением свести повесть лишь к наглядной аллегории, нравоучительному иносказанию. Реальные картины раскрывают здесь отвлеченные и общие понятия, а не просто намекают на человеческие состояния. Не следует в каждом витке сюжета отыскивать непременною аллессию с человеческой жизнью, хотя и упускать из виду, что автора толкнули к этой повести раздумья над человеческим бытием, тоже нельзя.

Коршун для Пулатова – один из способов приблизиться к разрешению «загадки всего мира», притом, что всякое аллегорическое прочтение предполагает известную свободу ассоциаций.

Одиночество коршуна – одиночество не самца, но владыки, как петушиная похоть патриарха – не просто его физиологическое свойство, а прерогатива владыки, отчужденного от всех. Мысль об одиночестве-отчужденности проходит через все повести Пулатова – и «человеческие» и «птичьи». Оттого и движется сюжет «Владений» материализацией идей, «умственных установок» автора: показать страхи владыки, усталость владыки. А уже отсюда идёт пластичное описание «на заданную тему»: отверженность одинокого, если даже этот одинокий – владыка. Это как бы рассказ, перерастающий в повесть, чтобы своей неторопливостью предать значительность происходящего.

Но если в других повестях Пулатова «аромат» интонации рождается из сплетения пластики и символики, то здесь причудливо соединились поэзия и точность... настолько поэтичны точные, неторопливые описания коршуна, суслика, тумана, ветра, полыни! Мир одухотворённой природы играет существенную роль во всей художественной концепции Пулатова. [5. С. 7]

Миф, любой элемент мифа, использованный писателем в произведении, приобретает новые черты и значения. Авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, рождая, по сути, новый миф.

Рассмотрим в произведении мифологизированные мотивы, с помощью которых автор стремился отразить законы природы. Повесть начинается с того момента, когда «...коршун после ночи полнолуния, облетал территорию, которая по негласному птичьему закону принадлежала ему... Такие перелёты случались раз в месяц после полнолуния... Почему нужно лететь так далеко именно после ночи полнолуния? Здесь снова в силе негласный закон птиц, и само полнолуние не и само полнолуние не играет в этом особой роли. Просто так повелось издавна, стало как сигнал... но все же, думается, в дне отлета после полнолуния есть какой-то большой смысл, в него невозможно проникнуть с умом. Инстинкт повелевает, коршуну лететь именно в этот день, ибо чувствует птица, что всякий раз после полнолуния что-то меняется в пустыне и на ее территории.». [5. С. 13]

Лунарные мифы – мифы о луне и лунных циклах. Связаны с астральными мифами, прежде всего, солярными: луна и солнце противопоставляются друг другу в рамках системы бинарных оппозиций, свойственной мифологическому сознанию. У большинства народов с фазами Луны связываются важнейшие моменты хозяйственной и обрядовой жизни. Видимое убывание и пребывание луны ассоциировалось с убыванием и пребыванием плодородия и других природных сил, ее периодические исчезновение и появление – с представлениями о смерти и возрождении. У множества народов

особыми обрядами отмечается каждое новолуние. Важнейшие годовые праздники приходятся на полнолуние. Новолуние признавалась наиболее подходящим временем для сбора волшебных трав, любовной, вредоносной и т.п. магии. [2. С. 216] Полнолуние – старый коршун. «Но коршун уже стареет, еще одна-две схватки в воздухе и он поймёт, что в пустыне на той её части, где стоит скала, появились более сильные особи...». Образ «умирающего» месяца выступает как символ старения коршуна, а коршунята – новолуние. Любое существо в природе имеет свой конец и возрождение, переменчивость всего – закон природы. К этому закону подчиняется все, даже наш, когда-то могущественный, всесильный и всепокоряющий коршун. Не зря его охватывает страх перед вылетом. «Он не мог уснуть не оттого, что завтра с утра ему надо было облететь свои владения до самого высохшего озера с одиноким деревцем на сыпучем берегу; просто свет луны беспокоил его, коршун злился, боялся даже своей тени – в таком он был напряжении, – поворачивался, чтобы устроиться поудобнее, но бурый хвост мешал ему, мешали красные, уже туповатые когти на лапах, а сам он, весь черный, отбрасывал в эту ночь такую тень, которая казалась в два раза чернее обычной». [5. С. 11]

Остановимся на образ коршуна, с точки зрения мифологии. Зачем автор обратился именно к этому образу птицы?

Образы всех птиц, «обитающих» в фольклоре и мифологии славян, можно разделить на три группы. Первая категория – мифические птицы, обладающие удивительными способностями, например, даром предвиденья, способностью насылать на человека удачу и горе, беду и спасение. К данному типу относятся Гамаюн, Алконост, Сирин и другие. Вторая категория – сказочные птицы, например, Жар-Птица. К третьему типу можно отнести всех птиц, которые не несут в своем облике ничего необычного, существуют в реальном мире. Но они также обладают волшебными способностями, но чаще всего являются спутниками сказочных персонажей (например, ворон, филин, коршун – спутники Бабы-Яги). Мы относим коршуна и орла-курганника к хищникам не в соответствии с научной классификацией, а согласно древним языческим представлениям русского народа о них: «Коршун, ястреб, а также некоторые другие виды семейства ястребиных (орел, канюк, лунь, снопа) ... образуют единый образ крупной хищной птицы, наделяемой символикой нечистоты и смерти, а также демоническими и отвращающими свойствами» [4. С. 329].

Коршун почитался в Верхнем Египте. Богиня-коршун считалась покровительницей Верхнего Египта и входила в качестве обязательного компонента в гербы всех фараонов. Коршуны охранялись в Древнем Риме. Коршун был одним из атрибутов Марса. По легенде, когда Ромул и Рем решили основать новый город, к ним явились двенадцать коршунов (по другим данным – грифов) как предвестники двенадцати плодотворных веков. Египтяне первоначально представляли себе небо как распластанные крылья огромного коршуна богини Нехбет (Федосеенко, 1998).

Зевс также мог проявить себя в виде коршуна: в «Илиаде» Гомера (7,59) Аполлон и Афина в виде коршунов сидят на дереве.

Из вышеприведенных, можно сделать вывод, что коршун Тимура Пулатова – это своеобразный хозяин той территории, которую он облетает каждый месяц после полнолуния. Он считает себя хозяином «владения» и царем всех коршунов, проживающих на его территории. «Так жил коршун изо дня в день, а длинный свой перелёт он совершал не столько ради пищи или воды, а из беспокойства, не захватил ли кто-нибудь его владения. Зная, что ему принадлежит территория, коршун считал себя полноценной птицей, а отними у него этот путь над пустыней, он, униженный и забытый, просунул бы в тоске клюв в песок и умер...» [5. С. 12]

Прямое обращение Тимура Пулатова к мифу повести можно увидеть в образах жуков-сизифов.

Здесь автор раскрывает тяжкий труд Сизифа. «Сизиф, в греческой мифологии сын царя эолян Эолаи Энаретны... был сурово наказан за свои преступления. Он должен вкатывать в гору тяжёлый камень, который достигая вершины, срывается вниз, так что свою работу надо начинать сначала. Это наказание символизирует тщетность попыток Сизифа одержать верх над богами.» [3. С. 492] Точно такой же сюжет бессмысленного труда в повести можно увидеть и между жуками-сизифами. «Терпеливее всех простодушные сизифы ... сейчас тоже катят свои шарики, но не отнимают их друг у друга. Бесцеремонно, безо всякого напряжения и хитрости отбирают у них шарики скарабеи – подползают к сизифам, вонзают свою клешню в шарик и, подняв над головой, уходят не прячась. И сизифу приходится снова делать свой шарик и спокойно толкать его передними ногами, пока скарабей не отберет у него пищу. И так может продолжаться до тех пор, пока сизиф не утомится и не поскачет в сторону без шарика, – он, как и другой жук, хрущ, может вообще долго не есть.» [5. С. 15]. Такое обращение писателя к древнему мифу показывает нам, что бессмысленный труд и хитрость среди живых существ царят во все времена, во всех поколениях. Авторский взгляд к жукам-скарабейм вырисован участливо.

Особое значение имеет название повести – Владения. В толковом словаре можно увидеть следующее значение этого слова: владение – недвижимое имущество, земельный участок. В первую очередь, перед нашими глазами появляется образ коршуна. Эта хищная птица считает себя полноценным хозяином той территории, которую он облетает раз в месяц, царём всех коршунов этой территории. «Зато надо всем, что здесь суетится, обманывает друг-друга – скарабейми, полевыми мышами, снующими с рассвета от куста к кусту, над всей мелкой живностью – висит смертоносный клюв коршуна. Они как его поданные, ибо живут на его территории.» [5. С. 16]. В повести коршун, облетая и сторожа свою территорию постарел. Пустыня – владение, выражающее смысл жизни коршуна. Не быть пустыни – не будет и коршуна. Перед старым коршунам, раскрыв крылья, наклонив клювы, стоят молодые коршунята. Отец коршун стоит перед последним вылетом. Вскоре его владения передастся коршунятам. После этого они начнут облетать свои территории. Это вращение не подчинено времени. Оно бескрайнее, цикличное. Коршун свою длинную территорию облетал не ради воды и охоты. Его беспокоила мысль о том, что, не занят ли кто-нибудь другой эту территорию.

Считать себя хозяином владения, свойственно не только коршуну. Такими же хозяевами являются беркут, суслик, жуки-скарабеи, джейраны, ящерица, сова, ветер и др. «Но каждый из них по-разному жил на одной и той же территории, в разное время осматривая ее, и то, что интересовало горлицу, могло быть вовсе не замеченным лисицей или зайцем, и такое множество хозяев было не помехой, а жизненной необходимостью, ибо каждый из них охотился за другим: коршун за зайцем, суслик за полевой мышью».

В общем, повесть можно назвать философским, где с помощью иносказания автор раскрывает качества и характеры всех живых существ на земном шаре. Мифопоэтика повести Тимура Пулатова также раскрывается в обращении его к древнегреческой мифологии, на примере жуков-сизифов. (миф о Сизифе). При этом автор показывает терпеливость и выносливость некоторых людей перед хитрыми, насильственными людьми. Владения являются своеобразной опорой всех живых существ, и вместе с тем их богатством. Представив себя хозяином определённой территории, коршун (и другие животные) чувствует свободу и спокойствие, в этом он видит смысл жизни.

Список литературы:

1. Абуталиева Эльвира Ириковна. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пространство и время в русскоязычной прозе Средней Азии (на материале творчества Тимура Пулатова и Тимура Зульф리카рова) Т., 1993. с. 112.
2. Aliyevna, Buranova Jamila. "Dastan "Gorogly"—an Example of our Scientific and Spiritual Heritage." *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture* 3.6 (2022): 176-181. <https://www.cajlpc.centralasianstudies.org/index.php/CAJLPC/article/view/402>
3. Большая российская энциклопедия. Лунарные культы. Россия 2004. bigenc.ru/ethnology/text/215
4. Buranova, Jamila. "Mythopoetics in Khurshid Dustmukhammad's Creation: Mythopoetics in Khurshid Dustmukhammad's Creation." *Central Asian Journal of innovations and research* 1 (2021). <http://www.sciencepublish.org/index.php/cajir/article/view/93>
5. Мифологический словарь/Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Ред. колл. Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н., Петрухин В.Я., Толстая С.М. (отв. ред.). В 5 томах. Т. 1. – М.: Международные отношения, 1999. – 613 с.
7. Тимур Пулатов. Избранные произведения: В двух томах. Т. 1. [Вступ. ст. А. Бочарова]. Т.: Изд-во лит. и искусства, 1990. – 544 с.